

Верхним Апалахом), вторую по бугру, ближе к копаной дороге. Держим отряд в боевой готовности.

28 апреля.

Ночь. Что-то не спится. Даже в воздухе чувствуется тревога. Хорошо, что нам успели помочь продуктами, теперь мы оправились и сможем как следует встретить врага, если он попытается сунуться в лес. Пойди немец на нас полмесяца назад — что было бы? А теперь мы готовы, ждем смело. Не сегодня-завтра будет бой. Сейчас 4 часа утра. Прибежал дежурный по отряду — сообщил, что немцы бросают ракеты в нашу сторону».

К сожалению, бой, который мы провели тогда, в дневнике не описан. Рядом с нашим отрядом сражались партизаны Симферопольского отряда под командой Христофора Чусси. В дневнике симферопольцев есть записи об этом бое, сделанные командиром отряда. Привожу эти записи:

«Мы подняли отряд, заняли оборону впереди лагеря на бугре, эвакуировали в тыл санитарную и хозяйственную части. Начался рассвет, слышно, как застава на дороге к Верхнему Апалаху вступила в бой, работает ее пулемет. Немцы освещают весь лес, масса ракет. Вступила в бой застава, которая влево от нас на бугре. Это продолжалось минут 40—50, после чего активность огня уменьшилась, причем слышно: односторонний огонь на нас. Ясно, что наша застава отошла, и это правильно. Они свое дело сделали, ведь их только шесть человек с одним ручным пулеметом. Немцы пошли на нашу высоту с трех сторон: с Нижнего Апалаха, что справа от нас, с Верхнего Апалаха — в центре и с копаной дороги, что слева от нас.

Начался бой. Правее меня — наш станковый пулемет, около него Новицкий и Супрун. Я рядом с комиссаром Третьяком. Нам видно, как идут немцы. Когда до нас осталось метров 80, они поднялись в рост и пошли более смело. И вот тогда ударили мы. Короткими очередями начал косить наступающих наш «максим». Я стрелял из автомата, Третьяк из карабина. Неплохо держался справа от нас Андрей Загребельный со своей группой. И так прошло больше часа. Связные доложили, что штаб района отошел. Мы все еще держались, однако немцы здорово наседали — их во много раз больше. А тут, черт побери, у Саши отказал «максим»: засело что-то, и никак не найдет, в чем дело. Раздалась команда на отход, и

группа за группой начали отходить по оврагу на противоположную высоту. Гитлеровцы, заскочив в пустой лагерь, подожгли наши шалаши и быстро скрылись. Вслед за ними мы вернулись в лагерь. Некоторые шалаши удалось спасти, большинство сгорело. Эта операция обошлась немцам в 15 убитых и более двух десятков раненых.

Среди нас нет товарища Хренова, он погиб на заставе, которую возглавлял на бугре. Застава, отбиваясь от значительных сил противника, вела бой в течение 50 минут. Хренов все время был у пулемета и косил гитлеровских мерзавцев. Пулемет замолчал только тогда, когда был выпущен последний патрон.

Замечательным человеком был Никита Иванович. Он активный участник гражданской войны, старый член партии. Работал перед войной директором Крымской базы «Плодоовоощ». Будучи в преклонном возрасте, он имел законное право эвакуироваться в глубь страны. Однако до последнего дня Хренов был в городе, а затем пошел в лес, вел вооруженную борьбу с врагом. В бою, когда несколько рядов гитлеровцев пошли на отряд, один из молодых партизан оробел. Никита Иванович, заметив это, стал спокойно протирать свои очки и сказал:

— Не бойся, пусть мы погибнем, зато спасем других, а немцам сейчас дадим жару.

И действительно, Никита Иванович своей жизнью преградил дорогу немцам и не дал им с ходу заскочить в районный штаб».

Эти бои показали: несмотря на то, что партизаны переносили голод и были истощены, с врагом они дрались по-настоящему и представляли большую угрозу для оккупантов.

На очередном партийном собрании Бахчисарайского отряда обсуждался вопрос о диверсиях на железной дороге. Докладывал Иван Урсол.

— Героический, стоящий насмерть Севастополь, — говорил он, — требует от нас, чтобы ни один вражеский эшелон не прошел к городу. Вот почему мы должны немедленно начать рельсовую войну. Дело это для нас новое. Знаний, прямо скажем, маловато. Однако учиться некогда. Надо действовать! Так что разрешите мне здесь, на собрании, хотя бы в общих чертах рассказать о существе вопроса.

И Урсол стал увлекательно, с большим знанием дела

говорить о том, как взрывать мосты и разрушать железнодорожное полотно. Для большинства из нас до сих пор, например, было неизвестно, что разрушение путей дает наилучшие результаты на поворотах, в выемках, на высоких насыпях, т. е. в пунктах, где особенно трудно производить ремонт; что взрывчатка должна закладываться таким образом, чтобы путь был взорван в трех местах; что для пуска поезда под откос лучше всего ослабить болты на стыках рельсов и вытащить костили из шпал, так как диверсия такого рода в отличие от взрыва не может быть замечена с поезда.

Прения были оживленными. И почти каждый оратор просил зачислить его в подрывники. Партийное собрание постановило: из коммунистов, комсомольцев и наиболее боевых партизан создать диверсионные группы, первую операцию провести в ближайшие дни на перегоне Бахчисарай — Альма (ст. Почтовая).

Темной ночью вышла на задание группа Суполкина. Иван Иванович был гладко выбрит, на гимнастерке — чистый воротничок, разодраные шаровары аккуратно залатаны.

— На такое дело, — наставлял он товарищей, — аккуратным выходить надо. Это вам не «картофельная операция», а железная дорога. И вообще санитария — дело для партизан стоящее. Тут спору быть не может.

Мы с Самойленко еще раз побеседовали с товарищами, пожелали им удачи и быстрейшего возвращения.

— Ждите послезавтра, к утру, — раздался удаляющийся голос Суполкина.

Ночью группа Ивана Ивановича вышла на окраину деревни Дуванкой (Верхне-Садовое). Прижимаясь к заборам, двигались партизаны в сторону шоссе. Изредка им попадались одиночные патрули, охранявшие подступы к железной дороге. Тогда Суполкин плашмя падал на землю, замирал. Так же поступали и остальные. Выждав, наконец, удобный момент, когда поблизости никого не было, они стремительным броском пересекли асфальтовую ленту Симферопольского шоссе и залегли в кустах.

Приближался рассвет. Двигаться дальше было рискованно, диверсантов могли обнаружить. Поэтому решили день пересидеть здесь, а с наступлением темноты подобраться ближе к полотну.

В группе Суполкина был человек, впервые участвовавший в боевой операции. Это мельник, пришедший в

Александр Новицкий.

И. И. Суполкин.

отряд во время последней «мучной операции». Он все время рвался в бой, но, откровенно говоря, мы не совсем ему доверяли. Незадолго до операции он пришел в штаб.

— Несправедливо это, товарищи, — с нескрываемой обидой жаловался он. — Ну, служил я на мельнице, и что из того? Ведь под винтовкой молоть заставляли, вздернуть на столб грозились. Что делать оставалось? Вот и согласился — не помирать же без толку... Душой я всегда был с партизанами...

— Это мы проверим.

— Проверяйте. Только поскорее дело дайте.

— Говорят, твой брат обходчиком служит на железной дороге? — вступил в разговор Самойленко. — Правда?

— Верно. Только ненадежный он человек.

— Почему?

— Был я недавно у него. На партизан сердит очень. Говорит, что немца мы зря озлобляем. Не будь, мол, этого, фашисты по-иному с нами обходились бы.

— Что же ты ему ответил? — поинтересовался Черный.

— Известное дело: выругал и ушел.

— С братом отношения придется наладить.

— Да ну его ко всем чертям! Нужен мне он очень...
— Для дела — нужен. Для очень важного дела.

Теперь мельник старался не пропустить ни единого слова Самойленко.

— Предстоит ответственная операция. Успех ее во многом зависит от обходчика — твоего брата. Поэтому постараитесь с ним помириться и передать нашу просьбу.

В тот же вечер бывший мельник направился к брату. Вернулся через сутки мрачный, злой.

— Долго ругались мы, — рассказывал он. — А как о задании я сказал — и слушать меня не захотел. Мне, говорит, твоих партизан не надо, говорит, я с фашизмом свои счеты имею...

— Какие же счеты? — спросил комиссар.

— У брата сыновья-красавцы были: Кузьма и Павел. Еще в первые дни войны под Брестом без вести пропали... А о помощи нам ни да, ни нет не сказал.

Таким образом, уходя на задание, группа Суполкина не могла рассчитывать на поддержку обходчика. Более того, мы опасались, как бы он не помешал провести операцию.

— Не пойти ли тебе еще разок к родственнику? Как думаешь? — Суполкин тихо окликнул лежавшего рядом мельника.

— Упрямый он. Не согласится.

— Тогда давай вдвоем попробуем.

— Ну, ежели вместе.

Дождавшись наступления темноты, партизаны тронулись в путь. Наконец впереди показалась крутая насыпь. Чуть левее от нее — покосившийся домик.

— Здесь? — шепчет Суполкин.

— Точно...

— Тогда пошли. Остальным ползти к полотну и ждать. Если что с нами случится — взрывайте путь, как условились, и бегом в лес...

Казалось, обходчик нисколько не был удивлен появлением брата и незнакомого человека. Сухо ответив на приветствие, спросил:

— Зачем пожаловал на ночь глядя?

— Для партизан ночь — мать родная, — ответил Суполкин и внимательно осмотрел комнату, заглянул даже под стол, плотно прикрыл дверь. — Речь вот о чем. Говори прямо: можешь помочь нам в важном деле?

— В каком?

— Дурачком не прикидывайся! Не время сейчас. Сегодня тут эшелоны пройти к Севастополю должны. А мы против этого, ясно? К тебе просьба такая...

— Это от кого же просьба?

— От Советской власти, от народа, от севастопольцев. От сыновей твоих просьба — вот от кого! Помоги. Обходчик молчал.

— Не хочешь, шкура! — Суполкин вплотную подошел к железнодорожнику. — Немцам продался, поезда фашистские охраняешь? К тебе родной брат пришел, а ты задушить его рад. К немцам подлизываешься.

— Я?!

— Конечно, не мы.

— А ну, пошли!

— Нет, погоди...

— Говорю, пошли! — и он с силой схватил Суполкина за руку.

Вышел в небольшой палисадник. Будочник в темноте нашупал лопату, стал копать.

— Зачем? — спросил у него брат.

— Не торопись, увидишь...

Прошло несколько минут томительного молчания. Из ямы потянуло тяжелым трупным запахом.

— Смотрите!

Теперь в неглубоком квадратном углублении можно было разглядеть труп человека.

— Это третий. Под ним еще два. Да сверху одного положить можно...

— Твоя работа?

— Да. Месть это моя. Фашисты за убитого немца десять наших расстреливают. И я ихнего счета придерживаюсь: за каждого погибшего сына — столько же истреблю... Трое есть... Еще семнадцать осталось...

Когда яма вновь сравнялась с землей, спросил:

— Теперь говорите, что от меня нужно.

Двое часовых, побрякивая прикладами по рельсам, медленно шагают по полотну. Суполкин и мельник лежат, не шелохнувшись. Проходит минута, другая. Но вот гитлеровцы остановились, перебросились несколькими словами, закурили. Этого только и ждали партизаны. Вскочив, они изо всей силы наносят фашистам несколько ударов прикладами автоматов. Те падают замертво.

Вдали послышался гул приближающегося поезда. Нужно торопиться! Суполкин и его товарищи работают

быстро, без суеты. И вот уже взрывчатка заложена между стыками рельсов, все подготовлено к взрыву.

— Готово? — тихо спросил обходчик.

Суполкин махнул рукой. Вспыхнул зеленый фонарик, обходчик поднял его над головой и направился навстречу поезду.

Партизаны были совсем уже далеко, когда раздался оглушительный взрыв. За ним другой, третий. Над местом, где стоял домик обходчика, вспыхнуло зарево...

Наша первая железнодорожная диверсия закончилась удачно: полностью был уничтожен эшелон из двадцати классных вагонов. Штаб пехотной дивизии, движавшийся сквозным маршрутом из Франции в Крым, так и не достиг берегов Черного моря.

Все участники операции были представлены к правительственные наградам.

ГЛАЗА И УШИ ОСАЖДЕННОГО СЕВАСТОПОЛЯ

Осажденному Севастополю активно помогали наши партизанские разведчики. В период героической обороны они обеспечивали командование Приморской армии и Черноморского флота ценной информацией о дислокации, перемещениях, численности и вооружении вражеских войск, о прибывающих в Крым воинских эшелонах с пополнением, о размещении аэродромов и наличии самолетов.

Партизанские разведчики проникали в Симферополь, Ялту, Алушту, Бахчисарай и другие города, вели наблюдение за железнодорожными станциями, шоссейными дорогами и аэродромами. Еще в первые дни борьбы в тылу врага начальник разведки Федор Афанасьевич Якустиди и его заместитель Иван Илларионович Витенко подобрали для этой цели группу наиболее смелых и находчивых партизан. В их числе было несколько женщин: коммунистки Мария Николаевна Щучкина, Нина Михайловна Усова, комсомолка Катя Федченко и другие.

Первой проложила путь в Симферополь М. Н. Щучкина. Жена умершего незадолго до войны секретаря Крымского обкома партии, она пришла к нам в лес добровольно. Эта очень скромная, щуплая на вид, рано поседевшая женщина всех нас восхищала не только своим бесстрашием, но и выносливостью. Ей ничего не сто-